

Дограйдер

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Никита Бахтин

18+

Никита Бахтин

Дограйдер

«Автор»

2026

Бахтин Н.

Дограйдер / Н. Бахтин — «Автор», 2026

Каково это — доставлять рискованные посылки в городе победившего упадка, когда твой единственный транспорт — колоссальный четвероногий зверь с непредсказуемым характером? Пытаясь свести концы с концами и осуществить давнюю мечту, рядовой курьер попадает в череду абсурдных катастроф. Неуёмный аппетит питомца, встреча со странными культистами и рискованная авантюра приводят к тому, что по его следу уже несутся мстительные мафиози и вооружённые до зубов фанатики. Эта короткая повесть — концентрированный коктейль из антиутопии, едкого юмора, бешеной динамики и философии подворотен, где выжить помогают только предельная изворотливость и верный напарник. Содержит нецензурную брань. Возрастное ограничение: 18+.

© Бахтин Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Дисклеймер	5
Глава 1. Собачье дело	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Дограйдер

Дисклеймер

Данный текст содержит ненормативную лексику, откровенную ересь и абсолютное отсутствие совести у всех действующих лиц. Автор снимает с себя любую ответственность (он и по жизни-то её не особо тянет, а тут тем более). Читать строго на свой страх и риск — и не на голодный желудок.

Глава 1. Собачье дело

Город. Гулкий, горький, гудит, горбится под гарью. Куда теперь? Ведь все дороги ведут в Рим? Был только дым. Да без понятия я, где этот чёртов Рим. Может, за третьей эстакадой? Может, с карты стёрт и в асфальт закатан? Ради новой петли, ради новых зарплат. Им. И есть ли у меня вообще с этим городом связь-то? Когда каждый шаг, как узел, он в улицах вязнет. Будто в горле кость. Уже тут прописался или всё ещё просто гость? Ошейник затянут. Мой след безымян. Взять. Привезти. Отдать. Взять. Привезти. От. До. Стоп. Сбилось дыхание. Взор упирается в крыши. Шаги. Пролёты. Этажи. Ни просвета. Почему же небо цвета собачьей тоски? А я до сих пор жив... Пунктир ведёт меня дальше. Сквозь пасть чужих дверей. Холодный кафель, тусклый свет и сип щелей. Собрал остаток сил. Дождать. Дойти. Или лежать в канаве с выбитым хребтом. Как пёс без клички. Город скуп на выбор. И третьего маршрута он не проложил.

— Штельт оп ди музик. ¹Как тебе, Ру?

Снизу привычно рычали пробитые выхлопные и надрывалась поршневая гидравлика. Гарнитура зашуршала:

— «Небо цвета собачьей тоски», Маркус? Серьёзно? — Руах² обречённо дунула в микрофон, забивая канал треском. — Твой словарный запас застрял где-то между третьим псалмом Давида и жалобной книгой в круглосуточной прачечной. Если ты эту чушь собачью реально выложишь, твой профиль снесут за пропаганду клинической депрессии.

— Ну ты и душнила! У тебя вообще нет сочувствия к творцу? Это же метафора. Гипербола, нахуй! Я тут гимн эпохи сочиняю, — Маркус скривился и отпустил тангенту.

— Спой потом этот гимн арендодателю, творец, — прилетело из наушника. — А сейчас захлопни варешку, ты мне весь коп³ проел. Мне мало того, что за вашими кривыми крюками весь день следить, так ещё твою муть слушать. Скажи спасибо, что на узле мозги на пару минут отсохли и дали передышку. О, индикаторы замигали — линия оживает. Завязывай цветчить⁴ и готовься.

Маркус перехватил поводья и хлопнул пятернёй по рыжему боку:

— Ладно, за работу! Слышишь меня, Шницель? Я к тебе обращаюсь, утилизатор объедков. У тебя в ушах опять сера или ты на семи герцах медитируешь? Хватит пузом брусчатку полировать. Если Мальах⁵ соизволит выплюнуть хоть один вшивый заказ, а ты будешь расквашиваться полчаса — чаевых нам не видать, как пышной халы⁶ на Песах⁷. И на сухой паёк сядешь именно ты.

Такса напряглась, и по тяжёлым рёбрам прошла низкая вибрация, сорвавшаяся в глухой перегруз:

— ТТТ-БББ-УУУ-МММ.

По луже побежала рябь, над макушкой дрогнула вывеска ломбарда.

— Вот и я о том же. — Маркус размял затёкшие плечи. — Не спи на ходу, хот-дог полуторный. Как только у этой трифной⁸ сети прочухается пинг — эс варт аф ундз дос гройсе гелт⁹.

¹ (идиш) Остановите музыку.

² (ивр.) Ветер.

³ (идиш) Голова.

⁴ (идиш) Непрерывно ныть, жаловаться, брюзжать.

⁵ (ивр.) Ангел, вестник.

⁶ (ивр.) Традиционный праздничный витой сдобный хлеб.

⁷ (ивр.) Еврейская пасха, праздник исхода, в дни которого строжайше запрещено употреблять квасное (включая сдобную халу).

⁸ (идиш) Сбойная.

* * *

Никто не знает, на чьём железе работает софт «Мальаха». Кто на самом деле чертит траектории? Хакер из подвалов Фултона или спятившая нейросеть заброшенного дата-центра? Для курьера алгоритм — неотвратимый фатум с геолокацией. Коду вопросов не задают, жмут «Принять». Собаки лают, а караван идёт.

На экране всплыло оповещение.

Трой.

С Одиннадцатой.

Система раз за разом сводила их вместе. И без описания было ясно, что внутри. Лишний рейс делать не пришлось: Маркус держал ходовые позиции при себе мелким оптом под постоянных клиентов, загоя спрятав их в глубине перемётной сумки.

— Ломир гейн¹⁰, Шницель, — Маркус сжал бока таксы коленями. — «Бэнкхед-Джанкшн».

Когти вонзились в мокрый шлам.

Они нырнули под путепровод нижнего яруса. На дне Бэнкхеда Нео-Атланта воняла горелой проводкой и дешёвым арбузным вейпом. Солнца сектор не видел лет тридцать: сверху давил монолит хайвея, снизу чавкала гидропонная отработка. Шницель ловко ввинчивался между штабелями контейнеров.

Из бокового заворота с пронзительным завыванием вылетел патрульный глайдер Муниципального Легиона, вынудив пса резко затормозить.

— Ру, это я. — Маркус пригнулся к холке. — Врубай «Рэфаим»¹¹. А если их сонары полезут в кофр — подвесь им сканер обратной петлёй.

В эфире заскворчала статика. Руах увела маяк курьера в слепую зону.

— Тень легла. — Её голос приглушило шифратором. — Без мандража, Марк. И морду попроще сделай.

Дверь съехала в паз. На землю прыгнул центурион в потёртом композитном панцире с латунным гребнем. Забрало откинулось, открыв помятую физиономию с перебитым носом.

— Здорово, пейсатый, — центурион сплюнул серый сгусток синтетической жвачки под лапы таксы. — Ты чё такой пришибленный? Будто тебе в Преторий¹² повестку всучили.

Паника схлынула. Маркус распрямился:

— Луций, чтоб тебя префектура премиальных лишила. Я чуть инфаркт не словил. Ты с хуя ли так подрезаешь со своей люстрой?

— Проверял реакцию, — легионер небрежно похлопал перчаткой по носу Шницеля. Такса недовольно заклокотала нутром — от низкочастотного резонанса патрульную машину ощутимо качнуло. — Служба собачья. Гоняем тут всякий сброд от 8-й до реки.

— Под стать житухе.

— Тебе ли пиздеть, — гоготнул центурион. — Мог бы сейчас в юридическом отделе манипулы¹³ сидеть, штемпели на штрафные предписания шлёпать. Легенда канцелярии, блядь. Ты сколько там высидел? Четыре часа?

— Четыре часа и пятнадцать минут. До первого циркуляра. Понял, что от вашего устава меня стошнит на гербовую печать, и в одностороннем порядке съебался через окно туалета.

Маркус чуть подобрал поводья:

— Всё спокойно в квадрате?

---

⁹ (идиш) "Нас ждут большие деньги".

¹⁰ (идиш) Погнали, пойдём, вперёд.

¹¹ (ивр.) Призрак.

¹² (лат.) Ставка префекта или генерала в Древнем Риме.

¹³ (лат.) Тактическое пехотное подразделение легиона.

Луций помрачнел и оглянулся на коробки трущоб:

— Да какое там. По низам бродяжничают какая-то ебанутая девка. Сбивает в кучи бомжей и списанных ботов и потом втирает этой своре, что долги аннулированы, реестры стёрты, а начальство можно слать лесом. Самое дикое: учит не бегать от дубинок, а стоять столбом и пялиться патрульным в зрачки. А мне тогда какой кайф витисом¹⁴ работать, если они даже не визжат и сдачи не дают? Никакого профессионального азарта.

Центурион удручённо цокнул:

— Префект с цепи сорвался. Ещё пара подобных проповедей — и юродивой потроха выпустят посреди площади Республики, под прожекторы, для острастки плебса. Короче, паси поляну. Увидишь эту тронутую — сворачивай в объезд. Замешкаешься рядом — пойдёшь прицепом за соучастие в саботаже.

— Да на кой мне её бредни. — Маркус глубже засунул руки в карманы бомбера. — У меня свои заботы. Мне бы день пережить, а там пускай хоть потоп по расписанию.

— Золотые слова, пейсатый. Сиди ровно и не отсвечивай — целее будешь, — легионер врезал по фюзеляжу. — Ладно, проваливай, пока я добрый. Гребь отсюда на своей сардельке.

Лицевая пластина шлема захлопнулась. Турбины вышли на форсаж, и глайдер скрылся за цистернами.

— Цербер казённый. Да пусть хоть хороводы друг с другом водят, лишь бы дорогу не перекрывали. Погнали, Шницель. Трой ждёт.

* * *

Гараж Троя на задворках Бэнкхеда выглядел как морг для роботов, где открыли дешёвый бордель.

Шницель протиснулся в ворота, мгновенно учуял запах канифоли и клубничного лубриканта и глухо зарокотал:

— БВВВ-ООО-МММ.

Под потолком на крюках покачивались хромированные бёдра и силиконовые торсы. От паяльной станции, залитой синим диодом, шагнула фигура в прожжённом флюсом комбинезоне.

— Маркус! — Трой ощерился щербатым ртом и вытер перепачканные в термопасте руки о тряпку. — Я думал, ты там на своей колбасе под фуру загремел. Ты принёс?

Курьер спешил и скинул на монтажный стол герметичный зиплок с сургучным штампом коэнов¹⁵ и надписью «Кеторет»¹⁶. Пакет брякнулся возле полусобранной кибер-девицы с пучками оптоволокну в открытом корпусе. Шницель устало уронил брыли на бетон.

— Принимай свой солидол.

Механик, не глядя, сдвинул к краю верстака кредит-стик, сорвал пломбу, выудил дозу маслянистого сбора с ароматом мирры и сунул в чашу вапорайзера. Спираль накалилась, и он взахлёб затянулся:

— О-о-о да, кайф... благослови тебя господь и все его серафимы, бро, — он выдул плотный клуб пара в лицо безглазому манекену. В бога Трой, ясное дело, не верил, но хороший приход признавал. — Слушай, Марк. Ты всё ещё думаешь над моим предложением? Скрепер по-прежнему у меня. Сносит синапсы начисто. Можно вырезать любое дерьмо: бывших шлюх, ту ночь, когда тебя отпинали копы на 8-й авеню, — всё, от чего зубы крошатся. Белый лист, чувак. Станешь лёгким, как пух.

Маркус указал на подвешенные детали:

---

¹⁴ (лат.) Лоза центуриона.

¹⁵ (ивр.) Сословие еврейских священнослужителей, потомки Аарона.

¹⁶ (ивр.) Священное храмовое воскурение из 11 компонентов.

— Трой, гений хуев, ты мне предлагаешь добровольно стереть мой единственный рабочий капитал? — Он ткнул себя в лоб. — Если твоя приبلуда вытравит отсюда всю эту срань, я ж стану абсолютно бесполезным балластом. О чём я треки дропать буду? Про птичек и скидки в гастрономе? Мой главный скилл — это красиво ныть в микрофон о том, как меня имеет жизнь, и выдавать это за высокое искусство.

Он с отвращением щёлкнул ногтем по соску куклы:

— Нет уж, Франкенштейн подвальный. Все мои детские травмы, токсичные отношения, где мне годами жрали мозг чайной ложкой, и ублюдки, которые не перезвонили, — всё поедет со мной прямиком в могилу. Я слишком дорого заплатил за эти неврозы, чтобы слить их по дешёвке ради душевного спокойствия.

— Хуй с тобой, Моисей, таскай свои скрижали, пока пуп не развяжется. Только знаешь, в чём прикол? Ты думаешь, что твоя память делает тебя уникальным. Что вся эта боль — лимитированный винтажный винил, который нужно беречь от царапин. А по факту вас, тиражных, — как собак нерезаных, и вы все носитесь с одинаковой дрянью, лишь обёртки разные.

Он отложил испаритель и подошёл к заготовке, подтягивая фиксатор на шарнире андроида.

— Я вот три месяца назад к ебням стёр весь свой первый брак и двух жмуров в Гарлеме, из-за которых спать не мог. Теперь обо всём знаю сугубо по записям, как про чужой некролог. И чё? Земля вертится, трава тлеет, девки собираются. В голове вакуум, как в открытом космосе. Никакого эха, Марк. Абсолютный, сука, штиль. Ты цепляешься за своё дерьмо, будто без него тебя вообще не существует. А может, реально не существует?

— ...не... су-ще-с-с-тву... — зашипело с нижней полки стеллажа, где среди изоленды валялась женская голова без скальпа. Стекланный зрачок вращался на микромоторе: — ...обрыв цепи... статус... не сущ-щ...

Трой сдёрнул с кронштейна длинную отвёртку и резким ударом вогнал жало в сервисный порт под её ухом. Текстолит треснул, посыпались искры, челюсть заклинило.

— Заглохни, Синди, тебя не спрашивали. Вечно голосовой модуль коротит от сырости. Блядский Бэнкхед.

Шницель у входа лениво ударил хвостом по створке ворот:

— ПХХ-ДУМ.

Маркус задержал взгляд на дымящемся виске Синди. Потом цапнул стик с гонораром и направился к выходу:

— Наслаждайся своим космосом, Трой. Главное — не задохнись там. Бывай.

* * *

День в Атланте выгорал битой матрицей. Такса неторопливо переваливалась по сточным рытвинам. Маркус покачивался в седле в такт размеренной поступи пса, тупо буравя рыжий загривок.

А ведь Трой попал в нерв. Кому он врёт? Иногда накатывало так, что скулы сводило — падай на брюхо и скули: забыть бы всё к чёртовой матери.

Ладно, не всё. Пусть не всю жизнь под нож. Но попробовать? Стереть хотя бы одну крошечную, поганую деталь. Один душный вечер. Один дурацкий разговор. Одни глаза, которые до сих пор всплывают перед сном. Хоть раз пощупать, каково это, когда в голове наконец-то не звенит.

Маркус сдавленно выдохнул.

Хотелось. Стыдно признаться даже себе самому, но до ноющей ломоты в темени хотелось вырубить мастер-шину и ненадолго провалиться в беспамятство.

Он мотнул головой и дёрнул вожжи:

— Ну что, поедem заправимся, приятель?

Красный неон «У Чэня» мерцал и шипел от влаги. Из-за закопчённых штор тянуло пережжённым кунжутным маслом.

Маркус намотал поводья на пожарную колонку. За спиной Шницель деловито задрал лапу и от души окатил чугун струёй.

Плечом открыв дверь, Маркус швырнул свёрток с аптечной маркировкой на сальный пластик стойки:

— Нихао¹⁷, маэстро вока. Выкатывай хавчик. Я голодный, как собака. Собака тоже.

Из клубов пара вынырнул коренастый Чэнь в клеёнчатом фартуке поверх замызганной майки. Тот загрёб бандероль под прилавок и расплылся в морщинистой ухмылке:

— О-о, Ма-а-ркус! Живой! Опять гоняешь свою сосиску по слякоти?

Шеф с лязгом вывалил в жестяное корыто гору варёных жил и обрезки, залил тёмным варевом, припечатал сверху кирпичом белкового жмыха и гаркнул в проём:

— Фай-ди, ваньданы!¹⁸ А ну взяли!

Двое подручных выволокли лохань наружу и бросили перед таксой. Маркус вышел следом, а Чэнь уже крутился вокруг пса, вытирая ладони о передник:

— Собаська, собаська, ешь, давай-давай! Жуй хрящ, отращивай уши! Хороший сосиска, пузатая бочка, ай молодец!

---

¹⁷ (кит.) Здравствуйте, привет.

¹⁸ (кантонск.) "Живее, ублюдки!".

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.